

РУССКИЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ С ОСНОВОЙ БАЛАХ(О)Н- В ИСТОРИЧЕСКОМ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В статье рассматривается происхождение русских антропонимов и топонимов с основой *Балах(о)н-*. Согласно гипотезе автора, первоначально эта основа входила в состав древненовгородского гипокористического личного имени или прозвища **Балахно*, образованного от усеченного апеллятива с начальной частью *бала-* с помощью характерного для антропонимов древней Новгородской земли суффикса *-хн(о)*. Опираясь на анализ диалектной и общерусской нарицательной лексики с начальным звукоподражательным *бала-*, автор предполагает, что антропоним **Балахно* использовался для именованя людей, говорящих бегло, неразборчиво, непонятно. Родившись в древненовгородской диалектной среде, далее — с потоками новгородской колонизации — антропоним распространился на значительной территории Руси, где стал, в частности, обозначать иноплеменное население, говорящее на неизвестных древним новгородцам языках. Тем самым, закрепляясь в топонимии, основа *Балах(о)н-* становилась своеобразным территориальным маркером как самой новгородской колонизации, так и маркером тех зон, в которых древние новгородцы вступали в контакт с населением, говорящим на незнакомых им языках. Результаты лингвогеографического анализа антропонимов и топонимов с основой *Балах(о)н-*, соотнесенные с историко-археологическими данными, позволили автору заключить, что это было восточнофинское население, включавшее, вероятно, мерю, мурому, древние мордовские и удмуртские племена.

Ключевые слова: русский язык, историческая ономастика, антропонимия, топонимия, этимология, Поволжье, город Балахна, новгородская колонизация, языковые контакты, волжские финны.

Каждому жителю нашей страны известно название старинного волжского города *Балахна* в Нижегородской области. Однако, пожалуй, лишь исследователи-топонимисты знают, что на территории России есть десятки похожих названий, именующих небольшие поселения, речки, урочища: *Балахнино, Балахница, Балахново, Балахня, Балахонка* и т. п. Кроме того, основа *Балах(о)н-* достаточно широко представлена в древних и современных русских антропонимах — прозвищах, отчествах и фамилиях типа *Балахна, Балахнин, Балахонцев*.

Поскольку происхождение именной основы *Балах(о)н-*¹, насколько нам известно, до сих пор не было установлено, в настоящей статье предпринимается попытка историко-этимологического анализа тех языковых данных, которые могли бы прояснить этот вопрос. Безусловно, на первой ступени исследования необходимо рассмотреть и оценить возможность связи именной основы *Балах(о)н-* с известными русскими нарицательными словами, включающими идентичную или близкую основу.

1. К истории и этимологии русских нарицательных слов с основой *балах(о)н-*

Эта история, по-видимому, начинается с лексемы *bálaḡan*, которая впервые — в иноязычной графике, с указанным ударением на первом слоге, — засвидетельствована в 1619 г. в словаре английского путешественника Р. Джемса в значении ‘белый льняной кафтан носильщика (грузчика)’ [см.: Ларин, 1959, 127]². Согласно историческим словарям русского языка, самая ранняя отечественная запись слова *балахон* относится к 1631 г.: «Куплено о Троицыни дни в монастырѣ и на пристани 33 балахоны рядниных» [СлРЯ XI–XVII, 1, 68].

Спустя полтора столетия, в «Словаре Академии Российской», слово приводится в близком значении, однако, как и в наши дни, с ударением на последнем слоге: *балахóн* ‘летнее платье наподобие крестьянского кафтана, делаемое из холста, понитка и пр., употребляемое простым народом’ [САР, 1, 87].

В. И. Даль, не приводя отдельную статью на слово *балахон* в значении ‘одежда’, включает его в гнездо *балахнá*, где это ключевое слово дается в значениях ‘распахнутая одежда; распахнутые ворота; открытый рот’, ‘неряха, разиня’, ‘мера аршинных дров’. В гнездо включены также влад. *балахня* ‘широкая мешковатая одежда’ и *балахóн* ‘летняя верхняя крестьянская одежда халатного или кучерского покроя’ [см.: Даль, 1, 42]. Из материалов СРНГ к этому можно добавить новг. *балахáй*, яросл. *балахань* и вят. *балахóня* в значении ‘одежда’, а также, видимо,

¹ В топонимических материалах у этой основы отмечаются варианты *Болох(о)н-* и *Болах(о)н-*.

² В этой записи слово *bálaḡan* дается так же, как оно представлено в рукописи Р. Джемса, который при передаче русских слов наряду с латиницей использовал несколько букв греческого алфавита и кириллицы. В рассматриваемом слове греческая буква χ употреблена для передачи русского звука x [см.: Ларин, 1959, 10].

волог. *балахня́* ‘шутливая брань’ и арх. *балахня́* в собирательном значении ‘пустые разговоры, болтовня’ [СРНГ, 2, 75].

Как можно видеть, общий спектр значений нарицательных слов с основой *балах(о)н-* достаточно широк, однако внутренняя взаимосвязь значений непрозрачна. Прояснить ее могли бы этимологические данные, однако для рассматриваемых лексем обоснованных и достоверных этимологий пока нет.

Для слова *балахон* этимологический комментарий впервые приведен в «Словаре Академии Российской», где без каких-либо пояснений указано «татар.» [САР, 1, 87]; это указание в точности повторено в «Новом словотолкователе» [Яновский, 1, 318]. Иная этимология, предполагающая для слова *балахон* персидский источник, была впервые опубликована в 1835 г.: «балахонъ (pers. *bāladjāte*, *vetement de dessus*³)» [Рейф, 1, 17]. Без дополнительных пояснений эта версия повторена в словарях 2-й половины XIX в. [БМ, 78; САН, 1, 102] и почти через столетие резюмирована в словаре А. Г. Преображенского: «балахон *верхняя одежда халатного покроя*. — Заимств. из перс. *bāladjāte* ‘верхняя одежда’» [Преображенский, 1, 52]. В этой этимологии сомневался, однако, М. Фасмер, указывая, что возведение слова к перс. *bālājāte* «не учитывает фонетические особенности» [Фасмер, 1, 11]. «Персидская» этимология признана неверной и в этимологическом словаре Н. М. Шанского, где предпочтение отдано более ранней версии: «*Балахон* (в диалектах известно также в виде *балахна*, *балахня* — Даль 1880, I, 42). Вероятно, является др.-рус. заимствованием из татарск. яз. (САР 1789, I, 87; Яновский, I, 318) <...>. Возведение этого слова непосредственно к перс. *bālājāte* (БМ, 78; Преображенский, I, 14; САН 1891, I, 102) является неверным (Vasmer, I, 46)» [Шанский, 1 (2), 22].

Не добавляют ясности в решение рассматриваемой этимологической проблемы и новейшие словари. Так, в ЭССРЯ слово *балахон* возводится к гипотетически реконструированному тюркскому диалектизму **balaghan*, восходящему к перс. *bālāgāte* [ЭССРЯ, 1, 43], что ничем не подтверждается. А. Е. Аникин, критически оценивая известные этимологии, сопровождает слова *балахна*, *балахон* пометой «неясно» [Аникин, 2, 129].

Таким образом, за два с лишним столетия — со времени выхода в свет «Словаря Академии Российской» — для слова *балахон* так и не было предложено убедительной этимологии, равно как и для очень схожих с ним диалектизмов *балахна*, *балахня*, лежащих, по-видимому, в основе многих российских антропонимов и топонимов. Именно поэтому имеет смысл решать этимологическую проблему комплексно: с привлечением не только лексических, но и документально-исторических, антропонимических и топонимических данных.

³ *Vêtement de dessus* (франц.) — ‘верхнее платье’.

2. *Балахна* и *балахонцы* в исторических документах. Древние антропонимы с основой *Балах(о)н-*

Город *Балахна* был заложен в 1536 г. [ПСРЛ, 13, 90] на правом берегу Волги, примерно в 20 км ниже пришедшего в упадок Городца: «на Балахне у Соли сделан город земляной для того, что посад велик, а людей много» [Соловьев, 6, 419].

Неудивительно, что в письменных источниках, начиная с XVI в., нередко встречаются оттопонимические именованья *балахонец*, *балахонцы* в значении ‘житель (жители) города Балахна’. Одно из первых таких упоминаний есть в летописи под 1541 г.: «Тоя же зимы, Геннваря 6, приходили Казаньские Татарове многие люди на Балахну... и черные люди *Балахонцы*, събрався, на них вышли...» [ПСРЛ, 13, 90].

В выписи из Книги письма и меры 1590/91 гг. как владельцы отдельных деревень упоминаются: *балахонец* посадский человек Миня Онкудинов, *балахонец* Лука Быков, *балахонец* спасский поп Грязной Кузмин, *балахонский* плотник Лобан, *балахонец* посадский человек Обросим Харлампьев [ПМДВ, 42–67]. В Описи приема подрядных денег 1642 г. фигурируют *балахонские* кирпичики (7 чел.) [АЮ, 2, 815], в росписи конца XVII в. — *балахонецъ* посацкой человек Левка Клейковъ, *балахонецъ* роспопа Ивашко Андрѣев, *балахонцы* посацкіе люди: Гараска Петровъ съ сыномъ Ивашкомъ [АЮ, 3, 253, 255].

В документах этого же периода фиксируются и антропонимы с основой *Балах(о)н-*:

Балахна кузнец. Книга Бежецкой пятины. 1564 г. [Веселовский, 1974, 23]⁴. *Балахна кузнец* имел двор в монастырской деревне Головино в Богородицком погосте на Белой (в Белозерской половине Бежецкой пятины), на землях «Воскресенского монастыря девичья из Горончарского конца». В этой большой деревне, включающей ряд Лишуйново и деревню Кирилова Нива, всего 24 двора, из которых 8 хозяев «пашню пашут и торгуют», 8 — «непашенные торговые люди», а последние 8 — «малотчие люди». *Балахна кузнец* отнесен к числу непашенных торговых людей. Обращает на себя внимание то, что все имена хозяев дворов — двойные (состоящие из имени и прозвища), за исключением жителя, именуемого *Балахна кузнец*.

Балахоненокъ Иванъ. Нижегородь. 1607 [Тупиков, 469]⁵.

Ивашко Павловъ прозвище Балахонцовъ. Посадцкой человекъ. Нижегородь. 1621–1622 гг. [ПКНН, 406].

Сенка Балахонцовъ. Посадцкой человекъ. Нижегородь. 1621–1622 гг. [ПКНН, 407].

⁴ В указанной работе это прозвище приведено С. Б. Веселовским без ссылки на источник. Последний [НПК, 1910, 860] найден нами по указателю в [НПК, 1915].

⁵ В первоисточнике, на который ссылается Н. М. Тупиков [Акты Калачева, 2, 174], данное имя нами не обнаружено.

Балахнинъ Петръ. Пятидесятникъ конныхъ казаковъ, г. Томскъ. 1667 г. [Тупиков, 469; АЮ, 2, 815].

Балахонцовъ Федька. Нижегородской земской староста. 1674–1677 гг. [Тупиков, 469; Доп. 6, 330; Доп. 10, 63].

Эти сведения, в том числе и содержащиеся в известных сводных источниках по антропонимии, заставляют задуматься о том, почему почти все носители имен с основой *Балах(о)н-* проживали исключительно в областях Нижнего Новгорода и Великого Новгорода. Чтобы понять, является ли это случайностью, обратимся к топонимии.

3. Ареал топонимов с основой *Балах(о)н-* по Спискам населенных мест Российской империи

Для выяснения ареала интересующих нас топонимов были использованы Списки населенных мест Российской империи по 36 губерниям, составлявшие по сведениям 50–70-х гг. XIX в. В меридиональном направлении охваченная территория начинается от северных границ Архангельской губернии и заканчивается на юге на параллели 50° с. ш.; в широтном направлении эта территория простирается от границ Финляндии и Прибалтийских губерний, включая витебские и могилевские земли на левобережье Днепра, до восточной границы Тобольской губернии.

В 16 из 36 российских губерний выявлено 39 названий с основой *Балах(о)н-*. По преимуществу это ойконимы, перечень которых приведен ниже в табл. 1.

Таблица 1

Губерния	Название населенного пункта ⁶	Уезд	Число топонимов
Псковская	● Балахновское (тж. Болвановское) ● Балахново ○ Балахонцево ○ Балахон	Торопецкий Торопецкий Опочецкий Порховский	4
Санкт-Петербургская	● Балахново (2) ● Балохново	Гдовский Гдовский	3
Тверская	● Балахна (тж. Балакино) ○ Балахонка	Весьегонский Калязинский	2

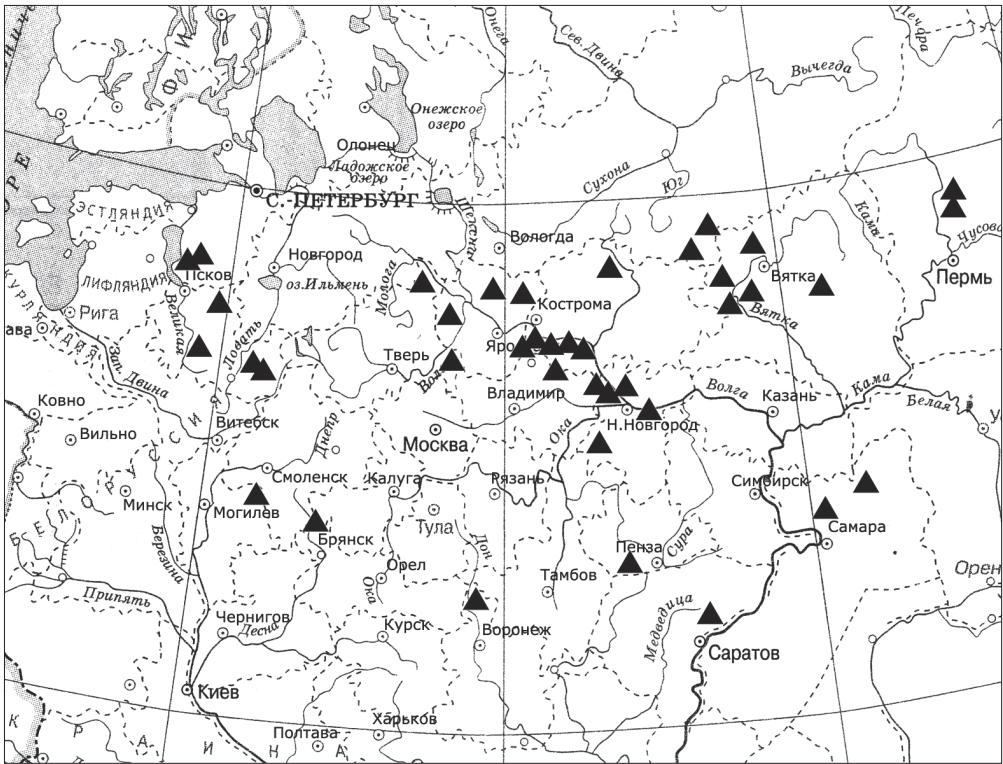
⁶ Черными кружками помечены топонимы с суффиксом *-хн-*, белыми кружками — топонимы с суффиксом *-хон-*. Цифрами в скобках в таблице и далее отмечается число одноименных топонимов.

Окончание табл. 1

Губерния	Название населенного пункта	Уезд	Число топонимов
Ярославская	○ Балахонка ○ Блохонка ○ Балахонцево	Любимский Мышкинский Пошехонский	3
Костромская	● Балахна (2) ● Балахня ○ Балахонка (2) ● Балахнино	Нерехтский Кологривский Кинешемский Юрьевецкий Нерехтский	6
Владимирская	○ Балахонки	Шуйский	1
Вологодская	○ Балахониха (при рч. Балахонка) ● Балахинский Починок	Никольский Никольский	2
Нижегородская	● Балахна ● Балахна (при р. Пьяна) ○ Балахониха ● Балахнино (2)	уездный центр Княгининский Ардатовский Балахнинский	5
Вятская	○ Балахонский (2) ● Балахнинский (починок) ● Балахнинская ● Балахница	Котельнический Котельнический Глазовский Вятский	5
Пермская	○ Балахонцы (2)	Соликамский	2
Южнее 55° с. ш.			
Могилевская	○ Балахоновка	Климовичский	1
Орловская	○ Болохоновка	Брянский	1
Воронежская	● Болохна	Задонский	1
Пензенская	○ Балахонка	Нижеломовский	1
Саратовская	○ Балахоновка	Волгский	1
Самарская	○ Балахоновка ○ Балахонцев Хутор	Бугульминский Самарский	2

Отметим, что интересующая нас основа встречается не только в ойконимии, но и в гидронимии, ср.: в Мышкинском уезде Ярославской губернии — рч. *Балахонка* (прав. пр. р. Кадка, лев. пр. р. Корожечна, лев. пр. Волги) [Темняткин, 2003, 4]; в Никольском уезде Вологодской губернии — рч. *Балахонка* (лев. пр. р. Вохма, прав. пр. р. Ветлуга, лев. пр. Волги) [СНМ, 7, 5666].

Ниже представлено географическое распределение топонимов с основой *Балах(о)н-*.

Карта. Топонимы с основой *Балах(о)н-* (середина XIX в.)

Как показывает картографирование, ареал топонимов с основой *Балах(о)н-* расположен, главным образом, полосой, которая начинается восточнее Чудского озера и реки Великой и, прерываясь в окрестности Торопца, возобновляется вблизи Калязина и Вельягонска. Далее ареал тянется вблизи Волги по Ярославской и Костромской губерниям вплоть до Нижегородской, заканчиваясь в окрестности Арзамаса и у р. Пьяна. Кроме того, как ответвления этой полосы, отдельные скопления топонимов локализованы в верховьях рек Унжи и Ветлуги, по р. Вятке и у Соликамска. Помимо основного ареала, семь топонимов рассеяны южнее 55° с. ш.: два в Самарской губернии, по одному — в губерниях Могилевской⁷, Орловской, Воронежской, Пензенской и Саратовской.

Рассматривая этот топонимический ареал в целом, можно расценить основу *Балах(о)н-* как исконную только на северо-западном псковско-новгородском участке ареала, где с древнейших времен и по меньшей мере до XVI в. включительно бытовали антропонимы с суффиксом *-хн-*. Этому суффиксу, который является одним из ярких маркеров древних диалектных различий, посвящен следующий раздел.

⁷ У восточной границы Могилевской губернии, ближе к Смоленску.

4. Суффикс *-хн-* в русской исторической антропимии

Суффикс *-хн-*, продуктивный в древнерусскую эпоху, — особенно для образования усеченных личных имен — находит аналоги в языках западных славян и сравнительно редко встречается на «славянском юге». В антропимии восточных славян имена с этим суффиксом характерны только для белорусской, украинской и северо-западной зон [см.: Агеева, 1989, 71]. Наиболее ранние древнерусские примеры имен с суффиксом *-хн-* относятся к XII — началу XIII в.: *Михно* мечник (1174 г.) — человек из окружения Андрея Боголюбского [ПСРЛ, 2, 389]; *Смехно* и *Прохно* (XII в.) — дети новгородского посадника [ИРИ, 3, 123]; *Светохна* (начало XIII в.) — полоцкая княжна польского происхождения [см.: Тихомиров, 1975, 190].

Подробно древнерусские имена с суффиксом *-хн-* впервые рассмотрел на материале новгородских летописей и писцовых книг русский славист Н. М. Петровский. В составленном им списке приводится около 40 личных имен новгородцев, оканчивающихся на *-хно*, из которых в новгородских писцовых книгах наиболее часты *Грихно*, *Зехно*, *Ляхно*, *Олехно*, *Прохно*, *Рохно*, *Стехно*, *Тимохно*, *Юхно* и *Яхно* [Петровский, 1922, 386–387].

Эти и подобные им славянские гипокористические антропимы создавались первоначально путем усечения дохристианских имен, а далее — уже имен христианских. При усечении основы исходного антропима «в древненовгородском диалекте, в отличие от современного русского языка, базис (оставшийся фрагмент) почти всегда совпадал с началом исходного имени, т. е. отбрасывалась только конечная часть» [Зализняк, 1986, 148]. В сочетании с рассматриваемым суффиксом использовался вокалический базис, т. е. начальная часть основы исходного имени (чаще один-два слога) до некоторой гласной фонемы включительно, напр. *Тимо-* от имени *Тимофей*. К этому базису присоединялся суффикс: в раннюю древнерусскую эпоху это была цепочка суффиксальных морфов *-х-* и *-ън-*. Со временем эти морфы «склеивались», образуя сращенный суффикс *-хън-* (> *-хн-*): так, приведенное в качестве примера имя приняло привычный (в XV в.) для новгородцев вид *Тимохно* с характерным окончанием *-о-* (м. р., им. п.) [см.: Там же, 149].

По этому же принципу в псковско-новгородской земле создавались также гипокористические прозвища с суффиксом *-хн-*, образованные от апеллятивов, а иногда и от этнонимов. Как и личные имена, эти прозвища отразились далее в производных от них топонимах, которыми изобилуют новгородские писцовые книги: таких топонимов в списке Н. М. Петровского около 50 [Петровский, 1922, 388–389]. Приведем из них некоторые наиболее интересные и показательные для нашего исследования:

Болохново, д. [НПК, 1886, 388] — ойконим восходит, по-видимому, к личному имени или прозвищу *Болохно.

Братухново, д. — в названии просматривается прозвище *Братухно, ср. пск., твер. *сеструхна* ‘нянька’ [Даль, 4, 179].

Чюхново, д. (два одноименных ойконима) — от *чюхно*, уменьшительной формы этнонима *чюдь* (*чудь*)⁸.

Живой пример присвоения псковичами в 1503 г. после боя с немцами князю Ивану Горбатову гипокористического прозвища с суффиксом *-хн-* описан в летописи [ПЛ, 1, 87]: «И погнашася воеводы великих князеи и псковичи, и нагнаша их в Озерах на могильникѣ, и Нѣмцы кошь свои поставиша опричь и молвиша: толке де и Роусь оударитца на кош, и мы де и выидем изо Псковской земли; и толке же де и на нас, ино туто нам головы покласти своя. И псковичи первое оударшася на кош, и по том москвичи; и начаша межи себя драться о быте немецком, а Чудь кошевую всю посѣкоша. И Немцы в то время сступишася с москвичи и со псковичи, и бысть с Немцы сѣча, а не велика. И князь псковской Иван Горбатои начаша заганивати псковичь, чтобы не ѣхали розно, а они вси по закустовью, и начаша емоу псковичи прозвище давати опрѣмом и кормихном...». Судя по этому эпизоду, прозвище *Кормихно*, присвоенное псковичами князю, возникло на основе апеллятива *кормило* ‘руль’ и носило насмешливый характер. В [СлРЯ XI–XVII, 7, 322] это прозвище расценивается как бранное.

Как изменилось произношение имен и прозвищ с суффиксом *-хън-* с ранней древнерусской поры ко времени их массовой записи в новгородских писцовых книгах XV–XVI вв., судить трудно, тем более что писцовые книги, сохранившиеся до нашего времени, составлялись не местными, а московскими писцами.

Более живыми и информативными являются записи подобных имен самими новгородцами в берестяных грамотах. В этих грамотах, найденных при раскопках 1951–2004 гг., встретилось пять имен с суффиксом *-х(ъ)н-*. В словоуказателе [Зализняк, 2004] в именительном падеже в нормализованной записи эти имена даны как *Гахонъ* (возм. от *Гахно*), *Грихно*, *Ляхно*, *Стехно*, *Страхонъ* (возм. от *Страхно*). Первое имя мы исключим из рассмотрения, поскольку наличие суффикса *-хн-* в нем кажется сомнительным⁹. Оригинальные записи остальных имен в текстах берестяных грамот приведены в табл. 2.

В приведенных именных формах суффикс выглядит по-разному: в виде *-хн-*, *-хон-* и *-хън-*. Как известно, «проявление и падение редуцированных *ъ* и *ь* в новгородском диалекте в основном протекало в XII в. и в начале XIII в. практически завершилось» [Зализняк, 1986, 124]; после завершения этого процесса «в течение

⁸ Уменьшительная форма *чюхно* встречается в псковских летописях наряду с *чюдь* (*чудь*) [ПЛ, 1, 82; 2, 47, 62, 223].

⁹ Велика вероятность того, что *Гахон* здесь является формой христианского имени *Агафон*. Как известно, в псковско-новгородском произношении имен нередки отпадение начальной гласной и мена *-ф-* // *-х-* [см.: Зализняк, 2004, 147]. Ср. также: «Того же лета (6982), на весну, псковичи отрядили послом посадника Ивана Гахоновича, и с ним бояр...» [ПЛ, 2, 56] — в этой же летописи «в лето 6993» среди послов к великому князю назван «посадник Иван Агафонович» [Там же, 66].

Таблица 2

№ грамоты	Стратиграфическая дата	Форма имени в тексте	Языковой статус	Падеж
348	2-я половина XIII в.	у Страхона	личное имя	род.
391	рубеж XIII–XIV вв.	ко Лахну	личное имя	дат.
496	середина XV в.	Грихънѣ	личное имя	им.
		Стѣхънов	притяж. прил.	им.

весьма длительного времени (не менее двух веков) существовали графические системы с эквивалентностью (или другими нестандартными соотношениями) букв *ь* и *о*, *ь* и *е*, за которыми уже не стояло никаких фонетических смешений или фонетической неустойчивости» [Там же, 103], чем и можно объяснить указанные вариации суффикса.

После этих общих предварительных замечаний относительно псковско-новгородских диалектных имен с суффиксом *-хн-* вернемся к топонимии и рассмотрим отражение интересующей нас основы в исторических топонимах XVI–XVII вв.

5. Топонимы с основой *Балах(о)н-* в письменных источниках XVI–XVII вв.

Прежде всего назовем топонимы, выявленные по документам XVI–XVII вв. в пределах древней псковско-новгородской земли.

Деревня *Болохново*. Переписная книга Шелонской пятины. 1539 г. [НПК, 1886, 388]. Деревня записана в Пажеревицком погосте Высокогородского уезда на крайнем юго-западе Шелонской пятины [Андрияшев, 1914] вблизи границы с Псковской землей.

Деревня *Данильково* и *Балахнино* тож. Дозорная книга Бежецкой пятины 7076 (1567/68) г. [ПKNЗ, 181]. Деревня из старого владельческого поместья записана в слободке Стучево в Никольском погосте в Дорке. Эта слободка «на Тверском рубеже на речке на Медведице» [Там же, 174] располагалась на крайнем юго-востоке Новгородской земли.

Пустошь *Болохново*. Псков и его пригороды. Книга писцовая 1. 1585–1587 гг. [ППК, 159]. Пустошь записана в Белской губе Белской засады.

Пустошь *Балахново*. В той же писцовой книге 1585–1587 гг. [ППК, 273]. Пустошь записана в губе Ремда Кобылского уезда.

Деревня *Балахна*. Купчая. 1588/89 г. [АСЗ, 2, 214]. Деревня из крупной вотчины в Верховском стане Бежецкого уезда. В древности (до XIV в.) это была

территория новгородской волости Мелеча в бассейне реки Мологи на юго-восточной окраине Новгородской земли [Готье, 1906, 551].

Относительно приведенных топонимов необходимо заметить, что все они окаймляют территорию древней Новгородской земли на юго-западе и юго-востоке, как, впрочем, и названия, зафиксированные в этой области в XIX в. По данным табл. 1 и карты (см.), из семи топонимов Псковской и Санкт-Петербургской губерний один локализован на юго-западе Шелонской пятины вблизи Порхова, четыре — в древней Псковской земле и два — вблизи Торопца, на границе с древней Смоленской землей. Следующий за ними в таблице топоним Весъегонского уезда Тверской губернии локализуется восточнее Антониева монастыря (г. Красный Холм) на древнем новгородском пограничье [см.: Дворников, 1995, рис. 1].

Нам удалось также найти старинные топонимы с основой *Балах(о)н-* в писцовых материалах XVI в. по Ярославскому уезду на территории, сопредельной с древней Новгородской землей. Сохранившийся Приправочный список с писцовых книг 1560-х гг. охватывает лишь половину Ярославского уезда на правобережье Волги, однако эта территория, близкая к устью реки Мологи, в определенной мере показательна. Здесь на сравнительно небольшой площади в вотчинных землях числилось пять названий деревень с интересующей нас основой: *Балахонка Большая*, *Балахонка Меньшая* и три остальных с одинаковым названием *Балахонка* (четыре деревни находились в Черemoжской волости, одна — в волости Юхоть и Корма) [ПМЯУ, 1999]. Обращают на себя внимание и другие исторические ярославские топонимы с суффиксом *-хн-*: деревня *Вахнеево* в Едомской волости, починок *Михнеино* в Слободищенской волости, деревни *Технова* и *Технова Другая* «в Никольском приходе в Юхти» [ПМЯУ, 2000]. В этих названиях угадываются личные имена *Вахне* (*Вахней*), *Михне* (*Михней*) и *Техно* — имена первопоселенцев, скорее всего, из новгородской земли.

На владимирской территории в исторических документах обнаружен один топоним с интересующей нас основой: деревня *Балахонка* Суздальского уезда (Мировая запись 1606 г.) [АСЗ, 2, 162].

Плохая сохранность писцовых книг Московского государства не позволяет добавить к этому какие-либо еще старинные топонимы с основой *Балах(о)н-*, за исключением одного названия, относящегося к Епифанскому уезду¹⁰ (см. подробнее в разд. 7).

6. Топооснова *Балах(о)н-* в ряду других основ с суффиксом *-хн-*

Усеченные имена и прозвища новгородских первопроходцев, отразившиеся в топонимах Ростовской земли, начали появляться там в ранний период,

¹⁰ На территории нынешней Тульской области.

до падения редуцированных *ъ* и *ь* в древнем псковско-новгородском диалекте. По завершении этого процесса в новгородской земле из цепочки суффиксов *-х-* и *-ън-* образовался формант *-хн-*, а за пределами новгородской земли, в иной обстановке, исторический результат изменения привнесенных новгородских имен мог оказаться иным¹¹.

Для оценки возможных фонетических изменений псковско-новгородского слова **балахно*, **болохно* за пределами древненовгородской земли нами были использованы отраженные в Списках населенных мест топонимы, образованные от достаточно известных усеченных личных имен с суффиксом *-хн-*. Ориентиром для планомерного поиска этих топонимов послужил список новгородских личных имен [Петровский, 1922, 386–387], почерпнутых из НПК. На основе найденных топонимов, которые, на наш взгляд, сами по себе являются индикаторами новгородской колонизации, для ряда губерний нами был реконструирован ряд древнерусских личных имен с суффиксом *-хн-* и его вариантами.

Вологодская губерния: *Вахне*, *Вахно*, *Вахоня*, *Грихне*, *Лухан*, *Михна*, *Михне*, *Михоня*, *Рохно*. Реконструкция — на основе топонимов *Вахна*, *Вахнево* (3), *Вахневская*, *Вахонино*, *Грихневская* (3), *Лухановская*, *Михневская* (2), *Михнино*, *Михонино*, *Рохновский Починок*, *Рохновско-Чуркинская* [СНМ, 7].

Костромская губерния: *Алехан*, *Вахне*, *Вахоня*, *Махонь*, *Михне*, *Яхна*. Реконструкция — на основе топонимов *Алеханов*, *Вахнево* (4), *Вахнецы*, *Вахонино*, *Махони*, *Михнево*, *Яхнино* [СНМ, 18].

Вятская губерния: *Алехан*, *Вахоня*, *Махне*, *Махно*, *Махня*, *Михна*, *Михне*, *Михоня*. Реконструкция — на основе топонимов *Алеханы*, *Вахонинский*, *Вахонины* (2), *Вахоницы*, *Вахоничев*, *Махнев*, *Махнево*, *Махневская* (4), *Махневский* (6), *Махневых*, *Махни*, *Махничи*, *Махновский*, *Михнев Починок*, *Михневы*, *Михненка*, *Михнинский*, *Михонинский*, *Михоничи*, *Михоньки* и *Петухи* [СНМ, 10].

Ярославская губерния: *Вахоня*, *Лухана* (или *Луханя*), *Олехан*, *Тимохан*, *Шахан*, *Шохна*. Реконструкция — на основе топонимов *Вахонино* (4), *Луханино*, *Олеханиха*, *Тимоханово*, *Шаханово*, *Шохнино* [СНМ, 50]. Ср. упоминавшиеся выше имена *Вахне* (*Вахней*), *Михне* (*Михней*), *Техно*, которые отражены в ярославских топонимах *Вахнеево*, *Михнеино*, *Технова*, записанных в XVI в. [ПМЯУ, 1999; 2000].

Владимирская губерния: *Вахне* (*Вахней*), *Махоня*, *Михоня*, *Прохонь*, *Тихан*, *Яхоня*. Реконструкция — на основе топонимов *Вахнево* (*Вахнеево*), *Махонино*, *Михонино*, *Прохоньево*, *Тиханово* (2), *Яхонино* [СНМ, 6].

¹¹ В целом это соответствует мнению С. Ф. Платонова, который предполагал, что «первыми колонистами на Волге были новгородцы», и на возражения оппонентов о различии суздальского и новгородского наречий отвечал, что «под влиянием новых природных условий, встречи с чуждым народом и языком в языке колонистов могли выработаться известные особенности» [Платонов, 1993, 133].

Сравнивая имена, реконструированные на основе топонимов, записанных в XIX в. [СНМ], с соответствующими древненовгородскими именами XV в. (*Вахно*, *Грихно*, *Лухно*, *Махно*, *Михно*, *Тимохно*, *Шахно*, *Яхно* и др. [НПК])¹², можно видеть, что к последним фонетически наиболее близки имена, реконструированные на основе вологодских и вятских топонимов. В именах Костромской губернии, наряду с суффиксом *-хн-*, присутствуют в несколько большем количестве варианты *-хан-* и *-хон-*, в Ярославской и Владимирской губерниях два последних варианта преобладают (кроме того, в местном произношении варьирует и конечный гласный: наряду с полным его выпадением отмечаются варианты конечных *а*, *я*, *е*, *ей*). В целом степень этих отличий от древненовгородского прототипа вполне объяснима уменьшением влияния древненовгородской колонизации в рассматриваемом регионе с севера на юг.

Остается распространить эти выводы на изучаемые имена с основой *Балах(о)н-*. Если существовавшее в прошлом новгородское прозвище **Балахно* (**Болохно*, **Болахно*) было занесено в древности в Верхнее Поволжье, то здесь — наряду с неизменным **Балахно* (в зонах сильного новгородского влияния) — под воздействием местных условий и говора оно дало бы также измененные варианты *Балахня*, *Балахон*, которые и вычлениются из топонимов, приведенных в табл. 1 (см.).

Напомним, что в этой таблице топонимы с суффиксами *-хн-* и *-хон-* помечены черными и белыми кружками соответственно. Заметно, что первые преобладают в древней Новгородской земле (верхняя часть таблицы, включая Весьегонский уезд Тверской губернии), в Костромской, Нижегородской и Вятской губерниях; вторые, с суффиксом *-хон-* — в Ярославской и Владимирской губерниях, а также южнее 55° с. ш. (о чем будет сказано отдельно). В целом вырисовывается картина более осязаемого новгородского влияния на северо-западе, севере и северо-востоке в известных областях ранней новгородской колонизации, хотя не исключено, что на указанное распределение суффиксов могли повлиять и другие причины.

7. Топооснова *Балах(о)н-* как маркер новгородской колонизации. Ранние и поздние топонимы с этой основой

Основываясь на материале предыдущих разделов, можно с большой определенностью сказать, что древненовгородское слово **балахно*, **болохно* было

¹² Имена новгородского происхождения с суффиксом *-хн-*, положенные некогда в основу топонимов Верхнего Приволжья, отличаются внутренней взаимной расстановкой по приоритету (по частоте) от имен, записанных в НПК в XV в. Наиболее часто повторяемые, реконструированные от приволжских топонимов имена, похожие на *Вахно*, *Махно*, *Михно*, *Яхно*, находятся лишь во втором десятке списка из 40 личных имен [Петровский, 1922, 386—387]. Надо полагать, что многие из этих реконструированных имен происходят от имен дохристианских, поскольку новгородская колонизация Верхневолжья началась до христианизации Новгородской земли.

занесено в далеком прошлом потоками новгородской колонизации на Верхнюю Волгу, в Ростовскую землю и на территорию к северо-востоку от нее. Действительно, на карте 1 основной ареал топонимов (32 из 39), расположенный к северу от параллели 55° с. ш., совпадает с известными маршрутами славянской колонизации Верхнего Поволжья, которая, по данным археологии, началась в IX в. [см.: Седых, 2001, 429]. Первоначально смешанное по составу население, в котором усматривают новгородских словен и «ославянившихся» чудь и весь, шло с северных и северо-восточных окраин новгородской земли. Несколько позднее появилось и в X–XI вв. стало нарастать движение населения из смоленской земли от верховьев Днепра и Волги.

По основным очертаниям приволжский ареал топонимов совпадает скорее с маршрутами движения населения из новгородской земли, нежели смоленской. На раннем этапе переселенцы из новгородской земли попадали на Волгу, главным образом, спускаясь по реке Мологе [см.: Горюнова, 1961, рис. 81] — именно здесь, вблизи впадения Мологи в Волгу, находится западный край приволжского ареала рассматриваемых топонимов. В ярославско-костромском течении Волги, где локализована основная масса названий, новгородцы были первопроходцами. Группа топонимов в верховьях рек Унжи и Ветлуги находит соответствие в продвижении новгородцев на Волгу с севера, со стороны Сухоны. Известно и о новгородском приоритете в колонизации областей вблизи р. Вятки и верховьев р. Камы, где расположены самые восточные гнезда топонимов. Однако можно видеть, что эта картина несколько «смазана», поскольку в рассматриваемом ареале, наряду с древними топонимами, присутствуют и более поздние.

Заметным пятном выделяется на карте группа топонимов Нижегородской губернии. Четыре топонима из пяти нижегородских (см. табл. 1) имеют основу *Балахн-* и, судя по этому, очень близки к мало искаженным новгородским. Но последнему совершенно противоречит почти полное отсутствие в данной зоне¹³ иных сопутствующих названий с формантами *-хн-*, *-хон-*, *-хан-* (как в соседних Костромской и Вятской губерниях), которые служили бы индикаторами древней новгородской колонизации. Действительно, Нижегородское Поволжье заселялось русским населением, главным образом, из Ростово-Суздальской земли¹⁴. По данным лингвистического исследования Н. Д. Русинова, «русское население средней диалектной нижегородской зоны генетически восходит к восточным

¹³ В списке населенных мест Нижегородской губернии [СНМ, 25] не обнаружено топонимов, происходящих от усеченных имен с суффиксом *-хн-*, кроме тех, которые приведены в табл. 1. В писцовых материалах 2-й половины XVI в. отмечен лишь починок *Вахонин* в Балахнинском уезде [ПМДВ, 285].

¹⁴ Кстати, одним из первых на новых землях был основан *Городец (Радилов)*, который впервые упоминается в летописи под 1173 г. [ПСРЛ, 2, 385].

кривичам» [Русинов, 1994, 131]¹⁵ — однако именно в этой зоне локализуются все пять указанных топонимов, в том числе и название известного города *Балахна*.

Каким же образом могли появиться здесь новгородские по происхождению топонимы?

Чтобы прояснить этот вопрос, обратимся к историческим сведениям, касающимся города Балахна. Как уже отмечалось (см. разд. 2), город был заложен в 1536 г. на правом берегу Волги, примерно в 20 км ниже более раннего поселения Городец. Некоторые сведения из предыстории Балахны приведены Е. К. Огородниковым: «Юаннь III, взявъ Новгородъ Великій и уничтоживъ въ немъ начала самоуправленія, многихъ новгородцевъ въ 1479 году сослалъ в Нижній Новгородъ и другіе замосковные города. Полагаютъ, что и Балахна была первоначально заселена Новгородцами. Нынешніе жители этого города считаютъ себя потомками Новгородцевъ и производятъ самое названіе города отъ р. Волхова. Это мѣстное преданіе имѣетъ нѣкоторое основаніе и объясняется тѣмъ, что мѣстность Балахны была давно извѣстна своими солями и *усолье балахонское* вообще было главной причиной ея заселенія. Новгородцы, знакомые и прежде съ солевареніемъ (въ Старой Русѣ), сюда охотно могли селиться для заведенія солеваренъ» [Огородников, 1863, 295]¹⁶.

«Соль на Городце» и действующие там в самом начале XV в. «Городецкие» и «Федоровские» варницы упоминаются в духовной грамоте князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича (ок. 1401–1402 гг.) [ДДГ, 50]. В. А. Кучкин определяет местоположение Соли на правом берегу Волги между Городцом и Нижним Новгородом [Кучкин, 1984, рис. 7] и полагает, что «есть все основания видеть в Соли на Городце начала XV в. позднейшую Балахну» [Там же, 214]. Из этого следует, что название местности *Соль на Городце*, где исстари (очевидно, и в XIV в.) действовали соляные промыслы, изменилось не ранее XV в. О происхождении нового названия местности прямо говорится в историческом предисловии к Списку населенных мест Нижегородской губернии: «Однимъ изъ старинныхъ мѣсть считается также и Балахна, мѣстность коей была извѣстна Новгородцамъ подъ именемъ Балахонскаго Усолья» [Огородников, 1865, XXIII].

¹⁵ По заключению Н. Д. Русинова, только предки русского населения северной диалектной зоны Нижегородского Поволжья у р. Ветлуги имеют «новгородско-словенское происхождение» [Русинов, 1994, 143]. Судя по диалектным отличиям северной зоны от остальных двух нижегородских диалектных зон, древнерусское население проникло в Поветлужье и Заветлужье с севера — от Великого Устюга (Гледена) и Вятки (Хлынова) [Там же, 128].

¹⁶ Эти исторические сведения, как и личность автора Е. К. Огородникова (1816–1884) — известного российского статистика, члена Русского географического общества, — заслуживают доверия. В 1852 г., в первые годы своей службы в Министерстве внутренних дел, Е. К. Огородников был командирован в Нижегородскую губернию для сбора сведений о составе и движении населения [см.: Гацкий, 1887, 165]. В дальнейшем сведения Е. К. Огородникова из ранней истории г. Балахна не пересматривались и были использованы во многих энциклопедиях и литературе, посвященной нижегородскому краю.

Остается пояснить, как это могло произойти. В конце XV в. на соляных промыслах Городца, запустевших в первой половине столетия из-за частых пограничных войн, неожиданно оказалась масса ссыльных новгородцев. Здесь, вблизи беспокойной границы с не покоренным еще Казанским царством, наряду с русской речью звучала незнакомая новгородцам речь черемисов, мордвы и, возможно, еще не ассимилированной окраинной мери [Русинов, 1994, карта 5] — коренного местного населения, которое и языком, и обычаями, и внешним обликом отличалось от русских. По-видимому, представителей именно этого населения новгородцы называли привычным для них прозвищем типа *балахно*, *болохно* (более обстоятельные доводы см. в разд. 8). В связи с этим напомним, что в конце XV в. усеченные имена и прозвища с формантом *-хн-* в среде новгородцев были обиходными (ср. приведенный в разд. 4 живой пример присвоения князю Ивану Горбатову прозвища *Кормихно* в 1503 г.). Именно тогда, с наплывом ссыльных новгородцев — предприимчивых и с остатками состояний — на это перспективное в ту пору месторождение соли¹⁷, возродилось и стало расти промышленно-торговое поселение на месте Соли Городецкой, которую местные жители вслед за новгородцами стали называть *Балахонское усолье*, *Балахна*.

После того как в 1536 г. был основан город Балахна, в местный обиход вошли засвидетельствованные письменными источниками слова, производные от названия нового города: *балахонец*, *балахонцы* ‘житель (жители) г. Балахна’ (впервые 1541 г. [ПСРЛ, 13, 90]) и прилагательное *балахонский*¹⁸.

От жителей Балахны и Балахонского уезда ведет происхождение поздний топоним *Балахонцы*, называющий две разные деревни Соликамского уезда Пермской губернии (см. табл. 1). В «Дорожных записках» писателя П. И. Мельникова, побывавшего в середине XIX столетия в тех местах, говорится: «На дороге нам попала деревня Балахонцова, населенная выходцами из усолья балахонского, привлеченными сюда богатством соляных ключей здешнего края» [Мельников, 1909, 541]. Далее, со ссылкой на издание «Соликамский летописец»¹⁹, отмечено: «Ленвенские промыслы основаны были балахонцем Ивашкою Соколовым в 1610 году» [Там же, 543]. Действительно, в самих названиях соликамских деревень *Балахонцова*, *Балахонцы* хорошо просматривается происхождение их жителей — *балахонцев*, выходцев из Нижегородского Поволжья.

¹⁷ В середине XIX столетия в Балахне добывалось до 100 000 пудов выварочной соли, для сравнения в Старой Руссе — до 180 000 пудов [см.: Мельников, 1909, 545].

¹⁸ В разные периоды уезд именовался то *Балахонским*, то *Балахнинским*. В первое время после основания города в писцовых книгах уезд назывался *Балахонским* [ПМДВ, 28, 42], однако уже в середине XVII в. он именуется *Балахнинским* [Готье, 1906], как и в XIX–XXI вв.: *Балахнинский уезд* [СНМ, 25], *Балахнинский район*. Вместе с тем в местной диалектной лексике сохранилось прозвище *балахонцы*, которым именуют жителей г. Балахна и относящегося к нему района [Ухмылина, 1970, 256].

¹⁹ Историческое сочинение, составленное В. Н. Берхом в 1821 г. в виде летописи.

К поздним, на наш взгляд, относятся также шесть топонимов, которые рассеяны в широтном направлении южнее 55° с. ш. от Орловской до Самарской губернии и образуют линию за южными пределами заокской засечной полосы Московского государства XVI в. Одним из примеров таких сравнительно поздних топонимов может служить слобода *Балахнинская*, записанная в 1572 г. в писцовой книге Епифанского уезда: «Слобода Балахнинская, на р. на Сукромнѣ, подь Сукромнскимъ лѣсомъ... а крестьянскихъ дворовъ 9 да 13 селищъ дворовыхъ сожгли Крымскіе люди; пашни в полѣ доброй земли 20 четъи да дикого поля 100 четъи, а въ дву потомужь... а въ сошное писмо тѣ слободки и починки не положены для того, что стоять на полѣ съ приходу отъ Крымскихъ людей и крѣпостей у нихъ никакихъ нѣтъ, за тѣмъ ихъ дети боярскіе въ помѣстья не имали, а садились тѣ люди и крестьяне при князѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Мъстиславском на лготѣ на дикомъ полѣ» [ПКМГ, 1, 1582].

Время появления «южных» топонимов интересующего нас типа следует отнести ко 2-й половине XVI в. и, главным образом, к XVII в., когда под прикрытием крепостей и вновь созданных военных поселений происходила стихийная крестьянская колонизация Среднего и Нижнего Поволжья и «дикого поля» юга России. Как отмечает П. Н. Милоков, при заселении русскими Нижнего Поволжья «большая часть населения пришла сюда с верхней Волги и ее притоков» [ЭБЕ, XVA, 744]. Эти первопоселенцы, по-видимому, принесли родные им названия на новые места жительства. Вторичность этих топонимов проявляется и в их морфологической структуре: в четырех случаях из шести они явно восходят к фамилиям или прозвищам первопоселенцев: *Балахоновка* (< *Балахонов), *Балахонцев Хутор* (< *Балахонец).

В связи с выводом о древненовгородском происхождении слов *балахно*, *балахон* следует оценить вероятность занесения этих слов в Ростовскую землю с юго-запада потоком славянской колонизации из древней Смоленской земли.

Согласно спискам населенных мест, в этом исходном районе топонимы, происходящие от усеченных имен с суффиксом *-хн-*, имеют следующие количественные характеристики: в Витебской губернии их 45 [СНМВ], в Могилевской — 11 [СНММ], в Смоленской — 15 [СНМ, 40]. Однако топоним *Балахоновка* на этой территории только один: он зафиксирован в Климовичском уезде Могилевской губернии вблизи границы со Смоленской губернией.

Сравнивая эти топонимы с псковско-новгородскими, можно видеть, во-первых, что их количество значительно меньше, чем в северо-западной области: ведь только в Псковской губернии насчитывается 365 названий с суффиксом *-хн-* [СНМ, 34], а вместе с Новгородской и Петербургской губерниями [АУ, 1913; СНМ, 37] количество таких топонимов составляет 453. Во-вторых, в плане ассортимента отраженных в топонимии имен с суффиксом *-хн-* юго-западная область заметно отличается от близких в этом отношении древней

Новгородской и Ростовской земель²⁰. Аналогичные топонимы Московской губернии и приволжской части Тверской губернии, составлявших в XII в. юго-западную оконечность Ростово-Суздальской земли, по своим основам также ближе к новгородским²¹. В-третьих, следует учесть исключительный приоритет древних новгородцев в колонизации территории левобережного бассейна Волги от р. Мологи до р. Вятки — территории, где есть немало названий с основой *Балах(о)н-*. Наконец, в-четвертых, очень показательна то, что топонимов с основой *Балах(о)н-* нет в Московской губернии, на территории которой славянская колонизация (восточные кривичи, вятичи) в своем движении на север встретила восточнофинское население. Единственный же обнаруженный топоним на юго-западном направлении — *Балахоновка* Могилевской губернии — несет печать не древнего, а позднего происхождения от фамильного прозвища первопоселенца (*Балахонов), как, впрочем, и топоним *Балахоновка* в Брянском уезде Орловской губернии.

При этом, конечно, не исключено, что среди славянского населения этой юго-западной области, включая и Смоленскую землю, в древности бытовало слово, близкое к *балахно*, равнозначное по смыслу псковско-новгородскому. Однако по ряду вышеуказанных причин вероятность занесения его в Ростовскую землю восточными кривичами много меньше, нежели колонистами из древней Новгородской земли.

Подведем предварительный итог. Результаты картографирования, равно как и сама словообразовательная структура основы *Балах(о)н-*, свидетельствуют о том, что топонимы с этой основой изначально имеют псковско-новгородское происхождение. Эта составная основа входит в довольно широкий класс основ, образованных от усеченных личных имен и прозвищ с помощью суффикса *-хн-*, т. е. в ней отражен антропоним — по всей видимости, гипокористическое личное прозвище, восходящее, в свою очередь, к некоему апеллятиву с начальной частью *бала-* / *боло-*.

8. К вопросу о происхождении компонента *Бала-*

Задаваясь вопросом о первоначальном значении этого компонента, обратимся еще раз к ареалу соответствующих топонимов, который локализован севернее 55° с. ш. и включает древние Новгородскую и Ростово-Суздальскую земли

²⁰ Имена, реконструированные на основе юго-западных топонимов, при расположении в порядке приоритета по частотности образуют ряд *Михно, Сахно, Бохно, Юхно*. Соответствующий ряд приволжских имен: *Вахно, Михно, Махно, Яхно*.

²¹ Топонимы Московской губернии [СНМ, 24]: *Вахнеева, Вахонино, Михнева* (3), *Рахново*; последний отмечен в Волоколамском уезде — в местности, бывшей до XIV в. под управлением Новгорода. Топонимы приволжской части Тверской губернии [СНМ, 43]: *Вахонино, Вахново* (2), *Зехново, Ивахново*.

(см. карту). Как можно видеть, эти топонимы лишь окаймляют территорию древней Новгородской земли на юго-западе и юго-востоке, в то время как, переходя в Ростово-Суздальскую землю, они идут сплошной полосой. Различна и плотность рассматриваемых топонимов: они редки в Новгородской земле и сравнительно часты в Ростово-Суздальской.

Оценка плотности производилась в данном случае путем сравнения численности рассматриваемых топонимов с численностью всех имеющихся в той или иной области названий, производных от древненовгородских имен с суффиксом *-хн-*. Если в Псковской губернии по [СНМ, 34] топонимы с основой *Балах(о)н-* лишь на 16-м месте, то в Костромской и Ярославской губерниях [СНМ, 18; 50] они делят 1-е и 2-е места с самыми распространенными здесь ойконимами с суффиксом *-хн-*: *Вахнево / Вахнеево, Вахонино* (< *Вахне / Вахней, Вахоня*). Это тем более примечательно, что к середине XIX в., когда составлялись Списки населенных мест Российской империи, многие деревни с названиями типа *Балахонка* были переименованы или исчезли²². А по оценке XVI в., в Ярославском уезде (на правобережье Волги) топонимы типа *Балахонка* занимают по частотности 1-е место среди всех названий с суффиксом *-хн-*: 5 из 9 [ПМЯУ, 1999; 2000], т. е. их частотность гораздо выше, чем показано на карте, составленной по данным 50–70-х гг. XIX в.

Поскольку древние топонимы с основой *Балах(о)н-* происходят от антропонима (или этноквалифицирующего имени — ср. приводившееся выше *чух(о)н-*), остается считать, что этот антропоним обозначал некое особенное население у границ древненовгородской земли, и еще в большей мере — население Ростовской земли в эпоху, когда новгородская колонизация достигла Верхней Волги.

Сохранившееся до наших дней основное значение слова *балахон* — ‘верхняя одежда’ — возникло, вероятно, на основе общего образа людей, носивших такую одежду. В связи с этим примечательно, что в «Словаре русского языка XVIII века» слово *балахон* толкуется так: «Широкое прямое верхнее платье. — Национальная одежда татар, черемисов и др. Мужеска пола люди {черемисы} носят долгие холстяные балахоны. Календ. 1736. Ерзянки ходят... в долгорукавных распашных балахонах без боров. Пут. Леп. I, 156» [СлРЯ XVIII, 1, 131]. В. И. Даль в заключение статьи *Балахна* также отмечает: «Балахон с черными костылями одежда обрусевших, но не русских, а чудских племен; самый покров без боров финский» [Даль, 1, 42].

Сопоставив эти сведения с результатами картографирования, можно сделать единственный вывод, согласно которому в Ростовской земле древние новгородцы называли прозвищем *балахно, болохно* аборигенное финно-угорское население, с которым они здесь встретились. Непосредственно приволжская зона ареала

²² Так, ни одна из пяти деревень с названием *Балахонка* в правобережной части Ярославского уезда XVI в. [ПМЯУ, 1999] не попала в Списки населенных мест Российской империи.

(см. карту), где локализована основная часть топонимов, по данным археологии пересекается с областью обитания ярославской и костромской мери [см.: Рябинин, 1997, *рис. 44*], заканчиваясь вблизи г. Балахна в области обитания муромы [см.: Голубева, 1987, *карта 1*]. По лингвистическим данным, волжская граница между племенами мери и муромы проходила на северо-западе нижегородской земли вблизи устья р. Узола [см.: Русинов, 1994, *карта 5*]. Два топонима локализованы южнее Нижнего Новгорода в области обитания мордвы. Скопление топонимов у р. Вятки маркирует, вероятно, древних удмуртов. В то же время восточнее, вблизи Соликамска, поздние топонимы начала XVII в. отмечают уже иное: места поселения выходцев из г. Балахна на здешних перспективных соляных промыслах.

Юго-восточная граница древней Новгородской земли, идущая от р. Медведица к нижнему течению Мологи, приблизительно совпадала с границей (по данным археологии) между племенами веси и мери на левобережье Волги [см.: Голубева, 1973, *карта 5*]. Какое же «особенное» население могли отмечать здесь топонимы типа *Балахнино*, *Болахна*?

Как известно, новгородская колонизационная волна по этническому составу была неоднородной. По сведениям Е. И. Горюновой [1961, 185], «она состояла из славян, ославянившейся *чуди* и *веси*». В. В. Седов полагает, что на исходной территории «словене новгородские и псковские кривичи... сформировались в результате метисации племен, принесших славянский язык, с финноязычными аборигенами» [Седов, 1979, 75]. Тем самым, в любом случае, новгородским первопроходцам, когда они впервые вышли к Волге, прибалтийско-финские наречия были небезызвестны. А вот язык и другие особенности приграничных групп мери — восточных финнов — были им незнакомы. По всей видимости, простонародным прозвищем *балахно*, *болохно* новгородские словене называли здесь мерю.

На юго-западной окраине древней Новгородской земли находилась Псковская земля, которая была тогда частью Новгородской, и юго-западная оконечность Деревской пятины²³. Вся эта область, примыкающая к западной части Волго-Окского междуречья, во время славянской колонизации в конце I тыс. н. э. имела необычный для новгородской земли сложный этнический состав населения. Тогда как предшественниками славян на большей части новгородской земли были прибалтийско-финские племена, на крайнем юго-западе, в бассейнах верхних течений Западной Двины, Великой и Ловати, финны граничили с балтами. Следы балтов — гидронимы балтийского типа — «особенно густо... покрывают бассейн Великой, среднего и верхнего течения Ловати» [Агеева, 1989, 187]. Кроме того, в Новоржевском и Великолукском уездах, по сведениям Р. А. Агеевой [1974, 108], отмечены отдельные гидронимы, которые автор предположительно относит к вос-

²³ Это название пятины, наряду с названиями других новгородских пятин (Шелонской, Водской, Обонежской и Бежецкой), вошло в обиход только с конца XV в.

точнофинским. Второе название деревни Бердово — *Мерья Гора* — в Псковском уезде одноименной губернии [СНМ, 34] также может свидетельствовать о присутствии здесь в древности, как это ни покажется странным, восточнофинского населения. Тем самым повод к тому, чтобы здешнее население (балты, восточные финны?), отличавшееся языком, внешним обликом и т. п., получило у псковичей прозвище *балахно*, *болохно*, вполне вероятно, был. Позднее, продвинувшись на Верхнюю Волгу, новгородцы, видимо, распространили это прозвище на людей племени меря и их восточных соседей.

Какой же апеллятив мог быть положен в основу прозвища? Нам известна его начальная часть: *боло-* или *бала-*, что в определенной мере облегчает поиск, ограничивая круг слов, из которых можно сделать выбор.

Среди большого ряда значений слов *балахна*, *балахня*, *балахон* и т. п., приведенных в СРНГ, есть значения, связанные с человеческой речью: *балахня* ‘шутливая брань’ (волог., 1926), ‘пустые разговоры, болтовня’ (арх., 1953) [СРНГ, 2, 75]. Отталкиваясь от этого, рассмотрим следующую гипотезу.

Звукосочетание *бала-* в качестве начальной части входит в состав слов, образующих характерную группу: *балакать* ‘разговаривать, болтать’, *балабон*, *балабола* или *болобол* ‘болтун, пустомеля’, *балаболка* ‘бубенчик’, *балагур* ‘болтун, шутник’, *баламут* ‘болтун, подстрекатель’, *балалайка*, *балабойка* ‘музыкальный инструмент’, и т. п. В подобных словах, согласно словарю А. Г. Преображенского, первая часть происходит от «звукоподражательного с удвоением: *бал-бол-*; *бол-бол-* из *бл-бл-*, ср. санскр. *balbola-karoti* ‘говорить *бал-бал-а*, т. е. заикаясь, невнятно’, греч. *βάρβαρος* ‘не эллин, т. е. непонятно говорящий’» [Преображенский, I, 51].

Эти и подобные лексемы, на наш взгляд, дают «ключ» и к новг. **бала/хно*, в котором можно видеть обозначение человека, говорящего необычно: слишком много, бегло и / или невнятно, непонятно. Подтверждением этому могут служить некоторые «двойные» и «тройные» названия селений из списка, приведенного в табл. 1. Так, в Весьегонском уезде Тверской губернии сельцо *Балахна* носит также название *Балакино*; в Торопецком уезде Псковской губернии д. Залужье иначе именуется *Балахновское* и *Болвановское*. В основах приведенных параллельных названий отражены слова *балакать* и *болван*, которые связаны с образами людей, говорящих что-то «пустое», невразумительное, непонятное — людей-«болванов», с которыми нет взаимопонимания. Именно таким, по-видимому, казалось славянам-пришельцам незнакомое местное население, говорившее на непонятном языке.

Таким образом, можно предположить, что основой новг. *Балахно*, *Болохно* послужил какой-то апеллятив из группы слов на *бала-* / *бола-* (*балакать*, *балабол* / *болобол* и т. п.). Это именование — разговорное, простонародное — могло означать не только соплеменников, говорящих «не так, как все», но и неизвестных иноплеменников, которые оказывались в соседстве с древними новгородцами. В определенной мере по своему значению данное именование аналогично

древнегреческому *варвар*, но, будучи гипокористическим, оно не несло в себе угрозы, а имело, скорее, фамильярно-сниходительный оттенок.

В пользу такой обусловленности первоначального (с XV в.) применения слова *балахна* на Нижегородской земле можно трактовать и странные, на первый взгляд, областные прозвища жителей г. Балахна и прилегающего к нему района: *гагары* и *балахонская гагара* [Ухмылина, 1970, 259]. Слово *гагара* имеет звукоподражательную основу *га-га* [Шанский, I (4), 5], т. е. во время своего возникновения — в прошлом — эти прозвища образно подчеркивали неразборчивость речи или иноязычные акценты в речи здешних людей²⁴.

Итоговые размышления

Если прозвище *балахно*, *болохно* на юго-западной и юго-восточной окраинах новгородской земли имело местное значение, то, будучи перенесенным в начале I тыс. н. э. в Верхнее Поволжье (применительно к мере и другим восточнофинским аборигенным племенам), оно прижилось в этой обширной области, приобрело большее распространение и стало обрастать производными значениями. Чтобы представить, как со временем утратилось исходное значение слова *балахно*, рассмотрим это слово в ретроспективном плане, сравнив его с другим, близким по смыслу, старинным псковско-новгородским диалектизмом *чухно* (*чюхно*), уменьшительным от *чудь*.

«Этническое имя *чудь*, первоначально в древнейшей русской летописи означавшее предков эстонского народа, впоследствии чрезвычайно обобщилось, получив широкое хождение на всем Русском Севере в качестве обозначения вообще финно-угорских племен, за исключением некоторых из них, имевших свои особые имена» [Попов, 1981, 94; см. также: Агеева, 1990, 86–115]. Считается, что проводниками этого слова на север и восток были, в первую очередь, двигавшиеся в указанных направлениях древние новгородцы. На северо-западе это слово имеет хождение и поныне в народной уменьшительной форме *чухна*, *чухонец*. Производные от этого народного этнонима названия селений *Чухна*, *Чухново*, *Чухонский* и т. п., согласно Спискам населенных мест, находились лишь в нескольких губерниях: Санкт-Петербургской (3 названия), Новгородской (2), Псковской (7), а также в Витебской (5) и Могилевской (1), т. е. в древних Новгородской, Псковской и Полоцкой землях. Засвидетельствованы эти именованья и в составе некоторых микрогидронимов. Так, в Петербурге «в первые десятилетия XVIII в.

²⁴ В Балахне звучала речь населения большой многонациональной округи (русские, мари, мордва, татары), что было обусловлено притягательностью соляных промыслов, дававших людям средства к существованию. Здесь требовались рабочие руки для создания и эксплуатации скважин и оборудования, заготовки и транспортировки дров в огромном количестве, вываривания соли из раствора, ее транспортировки и продажи.

левый рукав Мойки назывался Чухонской речкой» [Горбачевич, Хабло, 1985, 452], а одна из речушек на Крестовском острове и поныне носит название *Чухонка*.

Старинные, возникшие на псковско-новгородской земле усеченные народные прозвища *чухно* и *балахно* использовались в прошлом в качестве своеобразных обобщенных, хотя и неравнозначных этнонимов. Оказавшись на разной почве, со временем они разошлись в своих главных значениях.

Слова *чухно*, *чухонец* в их этнонимическом смысле продолжали жить на северо-западе, поскольку в приграничных с Ливонией и Швецией районах Новгородской земли, в зоне многовекового военного противостояния, ассимиляция прибалтийско-финского населения (води, ижоры, карел) на новгородской стороне шла сравнительно медленно. С начала XVII в., когда Ижорская земля и Корельский уезд были захвачены Швецией, вялотекущая ассимиляция в этих областях изменила знак на противоположный, поскольку значительная часть православных карел, ижоры, води бежала из зоны шведской оккупации от налогового пресса и религиозного преследования на восток под московское подданство, а опустевшие места были заняты населением протестантского исповедания из соседних районов Финляндии. После возвращения этих областей России и основания здесь в 1703 г. Петербурга с привлечением сюда русского населения к местным финнам-ингерманландцам и стали применяться, главным образом, народные имена *чухно*, *чухонец*; ср. у В. И. Даля: *чухонец, -нка* петерб. ‘прозвание пригородных финнов’ [Даль, IV, 616]²⁵.

В иных условиях, определяемых многоэтапной и продолжительной славянской колонизацией, происходила ассимиляция волжскофинских племен в Ростово-Суздальской и Муромской землях. В центре процесс шел быстрее, а на окраинах, ближе к Волге и на ее левобережье, медленнее. По оценке П. Н. Третьякова, в этих землях «процесс ассимиляции мерянского, муромского и другого финно-угорского населения завершился лишь в XIV–XV вв.» [Третьяков, 1966, 305]. По завершении ассимиляции мери и муромы, которые за несколько столетий, смешавшись со славянами, вместе с ними образовали центральное ядро великороссов (в подавляющем числе — крестьянского населения), исходное предполагаемое значение слов *балахно*, *балахна*, *балахон* — ‘неизвестный, оказавшийся в соседстве иноплеменник’ — перестало соответствовать новой действительности и вышло из употребления в обыденной жизни. На первый план вышли другие значения, ассоциативно связанные с исходным и надолго сохранившиеся в памяти народа.

²⁵ Выборочный опрос в конце 2011 г. десятка случайно встреченных жителей — уроженцев Петербурга и Ленинградской области (в возрасте около 50 лет и старше) — подтвердил знание ими слов *чухна*, *чухонец* в применении, главным образом, к окружающему прибалтийско-финскому населению (назывались эстонцы, финны, карелы, вепсы). Пригородные финны-ингерманландцы, интернированные в период Великой Отечественной войны, исчезли из поля зрения рядовых петербуржцев: никто из корреспондентов их не упомянул. Вместе с тем в отдельных случаях этноним был отнесен к гастарбайтерам из Псковской области и жителям Республики Коми.

Эти ассоциации, вероятно, относились к внешнему облику и особенностям поведения мерян и их соседей, увиденных когда-то славянами. Новгородским переселенцам, в частности, могла казаться крайне необычной широкополая, мешковатая одежда аборигенного населения, а сами эти люди — «балахна» — могли представляться разинями, недотепами, пасовавшими перед более предприимчивыми пришельцами. Не исключено, что в восприятии новгородцев открытые ворота двора тоже характеризовали деревенскую наивность аборигенов, не ожидавших появления в этих глухих местах посторонних людей и исходящей от них опасности.

Со временем слова *балахно*, *балахна* и производные от них стали образно обозначать (с некоторой насмешкой) деревенских жителей-простаков и деревню в целом, что достаточно хорошо иллюстрируют старинные поговорки, приведенные В. И. Далем: «Стоит балахна, полы распахня», — говорят, коли кто не подпоясался; «Эка балахна, рот разинул!»; «У него дверь балахна балахной, настежь» [Даль, I, 42].

Общеизвестно, что культура смешанного в Ростово-Суздальской земле населения (славян и волжских финнов) впитала в себя части культуры тех и других. С такой точки зрения своеобразная практичная, проверенная временем верхняя одежда аборигенов могла быть воспринята славянами как один из предметов первой необходимости. Неудивительно поэтому, что, когда иноплеменников, обозначавшихся словом *балахна*, попросту не стало, это именование перешло на тот основной предмет, верхнюю одежду, который достался от бывших иноплеменников в наследство общим потомкам. Балахон, приспособленный к холодному климату, простой в изготовлении и во многих случаях удобный, сохранился с древних времен и широко распространился в России — главным образом как вид верхней крестьянской одежды.

При этом, конечно, нельзя исключить, что в сложной судьбе слов **балахно*, *балахна*, *балахон* сказались и другие обстоятельства, например, влияние тюркских языков, в которых, как отмечалось выше, имеются похожие лексемы.

Агеева Р. А. Субстратная гидронимия западной части Калининской области (в границах исторической Деревской пятины) // *Вопр. географии*. 1974. № 94. С. 104–111.

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М. : Наука, 1989.

Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М. : Наука, 1990.

Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1914.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

- АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 2 / сост. А. В. Антонов. М. : Памятники исторической мысли, 1998.
- АУ 1913 — Алфавитный указатель к «Спискам населенных мест» по 11-ти уездам Новгородской губернии. Новгород : Тип. Л. С. Селивановой, 1913.
- АЮ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографическою комиссиею под ред. Н. Калачева. Т. 2. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1864. Т. 3. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1884.
- БМ — *Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д.* Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней. 2-е изд. М. : Университетская тип., 1866.
- Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974.
- Гацкий А. С.* Люди Нижегородского Поволжья. Биографические очерки. Книжка I. Н. Новгород : Тип. Нижегород. губ. правления, 1887.
- Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М. : Наука, 1973.
- Голубева Л. А.* Поволжские финны // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / под ред. В. В. Седова. М. : Наука, 1987. С. 67–115.
- Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Почему так названы? Л. : Лениздат, 1985.
- Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М. : Изд-во АН СССР, 1961.
- Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1906.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955–1956.
- Дворников А. С.* Новгородско-московские отношения и Бежецкий Верх в XV веке // Материалы науч. конф. «Новгород и Новгородская земля. История и археология». Вып. 9 / отв. ред. В. Л. Янин. Новгород : Тип. Новгород, 1995. С. 253–262.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- Доп — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 6. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1857. Т. 10. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1867.
- Зализняк А. А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин Л. В., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М. : Наука, 1986.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материалов находок 1995–2003 гг. М. : Языки славянской культуры, 2004.
- ИРИ — *Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии. Ч. 3. М. : Синодальная тип., 1811.
- Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М. : Наука, 1984.
- Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л. : Изд-во ЛГУ, 1959.
- Мельников П. И.* Дорожные записки (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // Мельников П. И. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 7. СПб. ; М. : Изд. т-ва Вольф, 1909.
- Милюков П. Н.* Колонизация России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 15. СПб. : Семеновская типолитография, 1895.
- НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2010.
- НПК, 1886 — Новгородские писцовые книги, изд. Археографической комиссией. Т. 4 : Переписные книги Шелонской пятины. СПб. : Тип. МВД, 1886.
- НПК, 1910 — Новгородские писцовые книги, изд. Археографической комиссией. Т. 6. Писцовая книга Бежецкой пятины. СПб. : Сенат. тип., 1910.
- НПК, 1915 — Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Указатель к первым шести томам. Пг. : Сенат. тип., 1915.
- Огородников Е. К.* Балахна. Уездный город при р. Волге // Городские поселения в Российской империи. Т. 3. СПб. : Тип. К. Вульфа, 1863. С. 294–300.

- Огородников Е. К.* Общие сведения о губернии // Нижегородская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. 25. СПб. : Изд. ЦСУ МВД, 1865. С. XXIII.
- Петровский Н. М.* О новгородских словенах // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности РАН. 1920. Т. 25 / гл. ред. Е. Ф. Карский. Пг. : Изд-во Акад. наук, 1922. С. 356–389.
- ПКМГ — Писцовые книги Московского государства. Издание РГО / под ред. Н. В. Калачева. Ч. 1, отд-ние 2. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1877.
- ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. Т. 1. М. : Древлехранилище : Археограф. центр, 1999.
- ПКНН — Писцовая книга 1621–1622 г. по Нижнему Новгороду. СПб. : Синодальная тип., 1898. (Русская историческая библиотека, изд. Археографической комиссией. Т. 17.)
- ПЛ — Псковские летописи / под ред. А. Н. Насонова. Вып. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1955.
- Платонов С. Ф.* Собр. соч. по рус. истории. Т. 1 : Лекции по русской истории. СПб. : Стройлеспечать, 1993.
- ПМДВ — Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. М. : Ин-т российской истории РАН, 1997.
- ПМЯУ, 1999 — Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века. Вотчинные земли / сост. В. Ю. Беликов, С. С. Ермолаев, Е. И. Кольчева. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999.
- ПМЯУ, 2000 — Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века. Поместные земли / сост. В. Ю. Беликов, С. С. Ермолаев. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000.
- Попов А. И.* Следы времен минувших. Л. : Наука, 1981.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. А. И. Лебедевой, О. С. Мжельской, С. М. Глускиной, Л. А. Ивашко и др. Вып. 1–. Л. ; СПб. : Изд-во ЛГУ (СПбГУ), 1967–.
- ППК — Псковские писцовые книги. Кн. 1. М. : Печатня А. Снегиревой, 1913. (Сб. Моск. архива М-ва юстиции. Т. 5).
- Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, изд. Археографической комиссией. Т. 2 : Летопись по Ипатскому списку. СПб. : Печатня В. Головина, 1871. Т. 13 : Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1904.
- Рейф — Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка, сост. Филиппом Рейфом. Т. 1. СПб. : Тип. Н. Греча, 1835.
- Русинов Н. Д.* Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород : Нижний Новгород, 1994.
- Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997.
- САН — Словарь русского языка, сост. II отделением Академии наук. Т. 1. Вып. 1. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1891.
- САР — Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1789–1794.
- Седов В. В.* Этнический состав населения Новгородской земли // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. Л. : Наука, 1979. С. 74–80.
- Седых В. Н.* Археология и древняя история Ярославско-Костромского Поволжья // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны / под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. С. 419–435.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / отв. ред. С. Г. Бархударов. Л. : Наука, 1984–. Вып. 1–.

- СНМ — Списки населенных мест Российской империи. СПб. : Изд. ЦСУ МВД, 1861–1879.
- СНМВ — Список населенных мест Витебской губернии. Витебск : Витебск, 1906.
- СНММ — Список населенных мест Могилевской губернии / под ред. Г. П. Пожарова. Могилев : Эксель, 1910.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III (т. 5–6). М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Темняткин С. Н. Моя Кацкая Русь. Ярославль : Александр Рутман, 2003.
- Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М. : Наука, 1975.
- Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. ; Л. : Наука, 1966.
- Тупиков — Словарь древнерусских личных собственных имен. Труд Н. М. Тупикова. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903.
- Ухмылина Е. В. Названия и прозвища русского населения Горьковской области // Этнонимы : сб. ст. под ред. В. А. Никонова. М. : Наука, 1970. С. 254–264.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М. : Прогресс, 1986.
- Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963–. Т. 1, вып. 1–.
- ЭБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 41 т. СПб. : Семеновская типолитография, 1890–1907.
- ЭССРЯ — Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. М. : Флинта : Наука, 2010.
- Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. I. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1803.

Рукопись поступила в редакцию 24.11.2013 г.

* * *

Шварев Николай Михайлович
кандидат технических наук,
независимый исследователь
Санкт-Петербург
E-mail: nicksvar@mail.ru

Shvarev, Nikolai Mikhailovich
PhD, Independent Researcher
Saint-Petersburg
E-mail: nicksvar@mail.ru

RUSSIAN NAMES WITH THE STEM *BALAH(O)N-* IN HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL PERSPECTIVE

The article analyzes the origin of Russian personal and place names with the stem *Balah(o)n-*. The author argues that originally the stem in question was part of the Old Novgorodian diminutive personal name or surname **Balahno* formed from an abridged common noun starting with *bala-* by adding the suffix *-hno* typical of Old Novgorodian anthroponyms. Based on the analysis of Russian common nouns starting with the onomatopoeic *bala-*, the author suggests that **Balahno* could be used for naming people that spoke fluently, fast and incomprehensibly. If so, the originally Novgorodian name could have spread — with migratory

movements — to other areas where it designated foreigners speaking languages unknown to Old Novgorodians. Thereby, fixed in toponymy, the stem *Balah(o)n-* serves as a specific territorial marker of Novgorodian colonization and indicates the areas where Novgorodians contacted peoples speaking unknown languages. The linguo-geographic analysis of personal and place names with the stem *Balah(o)n-* as compared with historical and archaeological data brings to conclude that these were eastern Finnic peoples, including, probably, Merya, Muroma, old Mordvinian and Udmurt tribes.

Key words: Russian language, historical onomastics, anthroponymy, toponymy, etymology, Volga River region, city of Balakhna, Novgorodian colonization, language contacts, Volga Finns.

- Ageeva, R. A. (1974). Substratnaia gidronimiia zapadnoi chasti Kalininskoi oblasti (v granitsakh istoricheskoi Derevskoi piatiny) [Substrate Toponymy of the Western Part of Kalinin Oblast (Within the Historical Borders of Derevsakaya Pyatina)]. *Voprosy geografii*, 94, 104–111.
- Ageeva, R. A. (1989). *Gidronimiia Russkogo Severo-Zapada kak istochnik kul'turno-istoricheskoi informatsii* [Russian North-Western Hydronymy as a Source of Cultural and Historical Information]. Moscow: Nauka.
- Ageeva, R. A. (1990). *Strany i narody: proiskhozhdenie nazvanii* [Countries and Peoples: Origin of Names]. Moscow: Nauka.
- Alfavitnyi ukazatel' k "Spiskam naseleennykh mest" po 11-ti uezdam Novgorodskoi gubernii* [An Alphabetized Index of Settlements of 11 Uyezds of Novgorod Province]. (1913). Novgorod: Tip. L. S. Selivanovoi.
- Amvrosii (Ornatskii). (1811). *Istoriia rossiiskoi ierarkhii* [The History of Russian Hierarchy]. (Part 3). Moscow: Sinodal'naia tip.
- Andriiashev, A. M. (1914). *Materialy po istoricheskoi geografii Novgorodskoi zemli. Shelonskaia piatina po pistsovyim knigam 1498–1576 gg.* [Materials on Historical Geography of Novgorod Province. Shelonskaya Pyatina according to Cadastre Books of 1498–1576]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sovko.
- Anikin, A. E. (2008). *Russkii etimologicheskii slovar'* [The Russian Etymological Dictionary]. (Vol. 2). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Antonov, A. V. (Ed.). (1998). *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV — nachala XVII veka* [Acts of Service Class Landowners of the 15th — Early 17th Century]. (Vol. 2). Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Baranov, K. V. (Ed.). (1999). *Pistsovyie knigi Novgorodskoi zemli* [Novgorod Land Cadastre Books]. (Vol. 1). Moscow: Drevlekhranilishche, Arkheograficheskii tsentr.
- Barkhudarov, S. G., Birzhakova, E. E., et al. (Eds.). (1984–). *Slovar' russkogo iazyka XVIII v.* [The Dictionary of the 18th Century Russian Language]. (Vols. 1–). Leningrad (Saint Petersburg): Nauka.
- Barkhudarov, S. G., Filin, F. P., Shmelev, D. N., & Krysko, V. B. (Eds.). (1975–). *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the 11–17th Centuries Russian Language]. (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Belikov, V. Yu., & Ermolaev, S. S. (Eds.). (2000). *Pistsovyie materialy Iaroslavskogo uyezda XVI veka. Pomestnye zemli* [Cadastre Books of the 16th Century Yaroslavl Uyezd. Local Lands]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Belikov, V. Yu., Ermolaev, S. S., & Kolycheva, E. I. (Eds.). (1999). *Pistsovyie materialy Iaroslavskogo uyezda XVI veka. Votchinnnye zemli* [Cadastre Books of the 16th Century Yaroslavl Uyezd. Votchina Lands]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Burdon, I. F., & Mikhel'son, A. D. (1866). *Slovotolkovatel' 30 000 inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo iazyka s oznacheniem ikh kornei* [A Glossary of 30 000 Foreign Language Words Adopted by the Russian Language with Explanation of Their Roots]. (2nd ed.). Moscow: Univ. tip.

- Cherepnin L. V. (Ed.) (1950). *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei XIV–XVI vv.* [Agreements and Testaments of Great and Local Princes of the 14–16th Centuries]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Dal, V. I. (1955–1956). *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. (Vols. 1–4). Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovari.
- Dopolneniia k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu komissiei* [Addenda to Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. (1857; 1867). (Vols. 6; 10). Saint Petersburg: Tip. Eduarda Pratsa.
- Dvornikov, A. S. (1995). Novgorodsko-moskovskie otnosheniia i Bezhetskii Verkh v XV veke [Novgorod-Moscow Relationships and Bezhetsky Verkh in the 15th Century]. In V. L. Yanin (Ed.), *Materialy nauch. konf. "Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkhologiiia"* [Proceedings of the Conference "Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology"] (Vol. 9, pp. 253–262). Novgorod: Tip. Novgorod.
- Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. (1890–1907). (Vols. 1–41). Saint Petersburg: Semenovskaia tipolitografiia.
- Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of Russian Dialects]. (Vols. 1–). Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
- Gatsiskii, A. S. (1887). *Liudi Nizhegorodskogo Povolzh'ia. Biograficheskie ocherki* [People of Nizhny Novgorod Volga Area. Biographical Sketches]. (Book 1). Nizhnii Novgorod: Tip. Nizhegor. gub. pravleniia.
- Golubeva, L. A. (1973). *Ves' i slaviane na Belom ozere. X–XIII vv.* [Veses and Slavs on Lake Belye in the 10–13th Centuries]. Moscow: Nauka.
- Golubeva, L. A. (1987). Povolzhskie finny [Volga Finns]. In V. V. Sedov (Ed.), *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia* [Finno-Ugric and Baltic Peoples in the Middle Ages] (pp. 67–115). Moscow: Nauka.
- Gorbachevich, K. S., & Khablo E. P. (1985). *Pochemu tak nazvany?* [Why Do We Name It So?]. Leningrad: Lenizdat.
- Goryunova, E. I. (1961). *Etnicheskaia istoriia Volgo-Okskogo mezhdurech'ia* [The Ethic History of the Volga-Oka Interfluvium Area]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Gotye, Yu. V. (1906). *Zamoskovnyi kraj v XVII veke. Opyt issledovaniia po istorii ekonomicheskogo byta Moskovskoi Rusi* [Moscow Area in the 17th Century. A Study on History of Economic Life of Moscow Russia]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sovko.
- Kalachev, N. (Ed.). (1864; 1884). *Akty, otnosiashchiesia do iuridicheskogo byta drevnei Rossii. Izdaniia Arkheograficheskoiu komissiei* [Acts Relevant to Laws of Old Russia]. (Vols. 2; 3). Saint Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk.
- Kalachev, N. V. (Ed.). (1877). *Pistovoye knigi Moskovskogo gosudarstva* [Cadastre Books of Moscow State]. (Vol. 1, part 2). Saint Petersburg: Tip. Vtorogo otd-eniia Sobstvennoi E. I. V. kantseliarii.
- Kuchkin, V. A. (1984). *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv.* [The Formation of State Territory of North-Eastern Rus in the 10–14th Centuries]. Moscow: Nauka.
- Larin, B. A. (1959). *Russko-angliiskii slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619 gg.)* [The Russian-English Dictionary and Notes of Richard James (1618–1619)]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta.
- Larin, B. A., & Ivasko, L. A. (Eds.). (1967–). *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [The Regional Dictionary of Pskov with Historical Data]. (Vols. 1–). Leningrad; Saint Petersburg: Izd-vo LGU (SPbGU).
- Levichkin, A. N., & Myznikov, S. A. (Eds.). (2010). *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. Saint Petersburg: Nauka.
- Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu* [The Collection of Chronicles Named Patriarchal or Nikon Chronicle]. (1904). Saint Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova.
- Melnikov, P. I. (1909). *Polnoie sobranie sochinenii* [A Comprehensive Collection of Works]. (2nd ed.). (Vol. 7). Saint Petersburg; Moscow: Izd. t-va Volf.

- Miliukov, P. N. (1895). Kolonizatsiia Rossii [The Colonization of Russia]. In *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary] (Vol. 15). Saint Petersburg: Semenovskaia tipolitografiia.
- Nasonov, A. N. (Ed.). (1941–1955). *Pskovskie letopisi* [Chronicles of Pskov]. (Vols. 1–2). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Novgorodskie pistsovyie knigi, izdannye Arkheograficheskoi komissiei. Perepisnye knigi Shelonskoi piatiny* [Novgorod Cadastre Books Published by the Archaeographic Commission. Cadastre Books of Shelonskaya Pyatina]. (1886). Saint Petersburg: Tip. MVD.
- Novgorodskie pistsovyie knigi, izdannye Arkheograficheskoi komissiei. Pistsovaia kniga Bezhetskoi piatiny* [Novgorod Cadastre Books Published by the Archaeographic Commission. Cadastre Books of Bezhetskaya Pyatina]. (1910). Saint Petersburg: Senat. tip.
- Novgorodskie pistsovyie knigi, izdannye Arkheograficheskoi komissiei. Ukazatel' k pervym shesti tomam* [Novgorod Cadastre Books Published by the Archaeographic Commission. Index, Vols. 1–6]. (1915). Saint Petersburg: Senat. tip.
- Ogorodnikov, E. K. (1863). Balakhna. Uezdnyi gorod pri r. Volge [Balakhna. A City on the Volga]. In *Gorodskie poseleniia v Rossiiskoi imperii* [Cities of the Russian Empire]. (Vol. 3, pp. 294–300). Saint Petersburg: Tip. K. Vulfa.
- Ogorodnikov, E. K. (1865). Obshchie svedeniia o gubernii [General Information about the Province]. In *Nizhegorodskaia guberniia. Spisok naseleennykh mest po svedeniiam 1859 goda* [Nizhny Novgorod Province. A List of Settlements as of 1859] (Vol. 25, p. XXIII). Saint Petersburg: Izd. TsSU MVD.
- Petrovsky, N. M. (1922). O novgorodskikh slovenakh [On Novgorod Slavs]. In E. F. Karsky (Ed.), *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti RAN. 1920* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences. 1920]. (Vol. 25, pp. 356–389). Petrograd: Izd-vo Akad. nauk.
- Pistsovaia kniga 1621–1622 g. po Nizhnemu Novgorodu* [The 1621–1622 Cadastre Book. Information on Nizhny Novgorod]. (1898). Saint Petersburg: Sinodal'naia tip.
- Pistsovyie materialy dvortsovykh vladenií vtoroi poloviny XVI veka* [Cadastre Books of Tsar's Possessions of the Late 16th Century]. (1997). Moscow: In-t ros. ist. RAN.
- Platonov, S. F. (1993). *Sobranie sochinenii po russkoi istorii* [A Collection of Works on Russian History]. (Vol. 1). Saint Petersburg: Stroilespechat.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei, izdannoe Arkheograficheskoi komissiei. Letopis' po Ipatskomu spisku* [A Comprehensive Collection of Russian Chronicles Published by the Archaeographic Commission. Ipatsky Handwritten Copy]. (1871). Saint Petersburg: Pechatnia V. Golovina.
- Popov, A. I. (1981). *Sledy vremen minuvshikh* [Traces of Times Long Gone]. Leningrad: Nauka.
- Pozharov, G. P. (Ed.). (1910). *Spisok naseleennykh mest Mogilevskoi gubernii* [A List of Settlements of Mogilev Province]. Mogilev: Eksel.
- Preobrazhensky, A. G. (1959). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian Language]. (Vol. I). Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei.
- Pskovskie pistsovyie knigi*. Kn. 1 [Pskov Cadastre Books. Book 1]. (1913). Moscow: Pechatnia A. Snegirevoi.
- Reiff, (Ed.) (1835). *Russko-frantsuzskii slovar', v kotorom russkie slova raspolozheny po proiskhozhdeniiu, ili Etimologicheskii leksikon russkogo iazyka* [Russian-French Dictionary in which Russian Words are Listed According to Their Origin, or The Etymological Dictionary of the Russian Language]. (Vol. 1). Saint Petersburg: Tip. N. Grecha.
- Rusinov, N. D. (1994). *Etnicheskoe proshloe Nizhegorodskogo Povolzh'ia v svete lingvistiki* [The Ethnic Past of Nizhny Novgorod Region in the Light of Linguistics]. Nizhnii Novgorod: Nizhnii Novgorod.
- Ryabinin, E. A. (1997). *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnei Rusi. K istorii slaviano-finskikh etnokul'turnykh svyazei. Istoriko-arkheologicheskie ocherki* [Finno-Ugric Peoples in Old Russia. On the History of Slavic-Finnic Ethno-Cultural Contacts. Historical and Archaeological Sketches]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU.

- Sedov, V. V. (1979). Etnicheskkii sostav naseleniia Novgorodskoi zemli [Ethnic Composition of the Population of Novgorod Land]. In B. A. Rybakov (Ed.), *Finno-ugry i slaviane* [Finno-Ugric and Slavic Peoples] (pp. 74–80). Leningrad: Nauka.
- Sedykh, V. N. (2001). Arkheologii i drevniaia istoriia Iaroslavl'sko-Kostromskogo Povolzh'ia [Archaeology and Ancient History of Yaroslavl and Kostroma Regions]. In A. S. Gerd, & G. S. Lebedev (Eds.), *Ocherki istoricheskoi geografii. Severo-Zapad Rossii. Slaviane i finny* [Essays on Historical Geography. North-Western Russia. Slavs and Finns] (pp. 419–435). Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Shansky, N. M. (1963–). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian Language]. (Vol. 1–. Vyp. 1–). Moscow: Izd-vo MGU.
- Shaposhnikov, A. K. (Ed.). (2010). *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Contemporary Russian Language]. (Vols. 1–2). Moscow: Flinta, Nauka.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi* [The Dictionary of the Russian Academy]. (1789–1794). (Parts 1–6). Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Slovar' russkogo iazyka, sostavlennyi II otdeleniem Akademii nauk* [The Dictionary of the Russian Language Composed by the 2nd Department of the Russian Academy]. (1891). (Vol. 1, Issue 1). Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Solovyev, S. M. (1960). *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [Russian History from Ancient Times]. (Book 3, vols. 5–6). Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury.
- Spiski naselennykh mest Rossiiskoi imperii* [The List of Settlements of the Russian Empire]. (1861–1879). Saint Petersburg: Izd. TsSU MVD.
- Spisok naselennykh mest Vitebskoi gubernii* [The List of Settlements of Vitebsk Province]. (1906). Vitebsk: Vitebsk.
- Temnyatkin, S. N. (2003). *Moia Katskaia Rus'* [My Russia: Kadka]. Yaroslavl: Aleksandr Rutman.
- Tikhomirov, M. N. (1975). *Drevniaia Rus'* [Old Russia]. Moscow: Nauka.
- Tretyakov, P. N. (1966). *Finno-ugry, balty i slaviane na Dnepre i Volge* [Finno-Ugric, Baltic and Slavic Peoples on the Dnieper and Volga]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Tupikov, N. M. (1903). *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A Dictionary of Old Russian Personal Names]. Saint Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova.
- Ukhmylina, E. V. (1970). Nazvaniia i prozvizhcha russkogo naseleniia Gor'kovskoi oblasti [Names and Surnames of the Russian Population of Gorky Oblast]. In V. A. Nikonov (Ed.), *Etonimiy* [Ethnonyms] (pp. 254–264). Moscow: Nauka.
- Vasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian Language]. (2nd ed., vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Veselovskii, S. B. (1974). *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii* [Onomasticon. Old Russian Names, Surnames and Family Names]. Moscow: Nauka.
- Yanovsky, N. (1803). *Novyi slovotolkovatel', raspolzhennyi po alfavitu* [The New Alphabetized Explanatory Dictionary]. Part I. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Zaliznyak, A. A. (1986). Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi tochki zreniia [Novgorod Birch Bark Manuscripts in the Linguistic Perspective]. In V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak (Eds.), *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* [Novgorod Birch Bark Manuscripts: From the 1977–1983 Excavations]. Moscow: Nauka.
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* [The Old Novgorod Dialect]. (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received 24 November 2013